

КНИЖНАЯ ПОЛКА

К.П. Шевцов

Размышления над книгой И.О. Щедриной «Историческая память и нарратив: экологические контексты»*

Шевцов Константин Павлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук. Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева. Российская Федерация, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149; e-mail: shvkst@gmail.com

В статье дается общий обзор и анализ основных понятий книги И.О. Щедриной «Историческая память и нарратив: экологические контексты». Проблема исторической памяти стала реакцией на драматический разрыв культурной и социальной ткани современных обществ, но тем самым она же стала и возможностью всмотреться заново в традиционную проблему отношений человека и природы. Поскольку память хранит знание об утрате, она погружает нас во временность существования как состояние бездомности, утраты своего природного дома, *oikos* `a, что объясняет актуальность современного разворота к экологическим формам мышления. В книге Щедриной предложен простой, но действенный вариант экологии памяти, ориентированный на первичность повествования, нарратива, рассказанной истории. Этот подход заставляет переосмыслить позицию субъекта знания, поскольку в структуру его самосознания заложена первичная утрата и необходимость опоры на признание со стороны Другого и собирание себя посредством рассказа из рассеянности бытия в мире, вне себя, в естественном порядке мест и многослойной ткани повествований.

Ключевые слова: историческая память, экология памяти, нарратив, признание, самосознание, утрата, политика памяти, технологизация памяти

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФ. Проект 21-18-00046 «Определение критериев визуального загрязнения окружающей среды» в Санкт-Петербургском государственном университете.

В 2022 г. в издательстве «Центра гуманитарных инициатив» вышла небольшая книга Ирины Олеговны Щедриной «Историческая память и нарратив: экологические контексты» [Щедрина, 2022]. Проблема исторической памяти не перестает открывать все новые возможности для исследований, сегодня мы становимся свидетелем ее экологического разворота. Впрочем, как видно из названия и оглавления книги, основной акцент приходится не столько на экологию, сколько на ставшую уже традиционной связку проблем самосознания, признания Другим и нарратива (преимущественно автобиографического). Сразу же стоит отдать должное оглавлению книги, максимально прозрачному и информативному. Автор хорошо ориентируется в поле современных нарратологических исследований и дает емкий и содержательный реферат актуальных исследований от Женнета до Деннета, Рикёра и Лежёна. Но все же главной прямой нового исследования является тема памяти, сложное и многоуровневое сплетение памяти и самосознания как уникальной формы человеческого бытия в мире.

Какой же ракурс рассмотрения памяти предлагает нам книга И.О. Щедриной? Поскольку память хранит знание о завершённом настоящем как утраченном прошлом, она погружает нас во временность существования как начальное место жительства человека, его природный дом, *οἶκος*. Это греческое слово задает необходимую широту экологической проблематики, которая сегодня не может ограничиваться рамками одной биологии, учением о среде обитания живых организмов, поскольку мы давно столкнулись с более комплексной проблемой своей жизненной среды, не только природной, но и культурной – ноосферой, т.е. природой, измененной культурой, и культурой, модифицированной современной техникой до состояния новой техногенной природы. Сегодня мы говорим об экологии разума, экологии культуры, экологии визуальной среды, экологии памяти, и несомненное достоинство книги И.О. Щедриной в том, что она показывает, насколько именно экология стала современной формой осмысления нашего бытия в мире, его открытости и его конечности.

Противопоставление природы и человека, пусть и во имя сохранения первоначальной чистоты природы, давно утратило смысл, поскольку сама охрана природы превращает «заповедные виды флоры и фауны» в объекты культуры, в результате чего природа «меняется во имя нее самой» [Там же, с. 18]. В этом можно видеть разрушение природы, но, как справедливо полагает автор книги, здесь открывается и новая возможность для самосознания человека, прежде всего в форме нарратива, «рассказывающего о его опирающемся на память, самовосприятии природы в себе и себя в природе... Именно так человек творит и определяет себя в сфере экологического самосознания» [Там же, с. 19]. Можно сказать, что экологическая проблематика стала новой формой гуманитарной рефлексии, для которой существенно понимание мира как в равной мере биологического и символического пространства. И.О. Щедрина настаивает на том, что нарратив, с его опорой на память, заставляет человека принять себя как «биосоциальное существо, экологическое самосознание которого обеспечивает рефлексивную и ответственную позицию в его взаимоотношениях с окружающим миром». Более того, только такое «самосознание позволяет

ему, соотнося рациональное знание о природе и эмоциональное отношение к ней... осуществлять саморегуляцию своего экологического поведения» [Щедрина, 2022, с. 20].

Естественно, возникает вопрос, каким образом нарратив и память могли бы раскрыть наше самосознание миру, ведь в конце концов мы все время рассказываем о самих себе и для таких же, как мы, оставляя природную среду в качестве фона, сколь угодно значимого и все же второстепенного. Более того, рассказывая истории о себе, мы не столько предъявляем, сколько формируем собственное Я, поэтому неудивительно, что автор вынужден коснуться вопросов конструктивистской методологии. В современной эпистемологии проблема самосознания часто интерпретируется в конструктивистском контексте, что может в крайних случаях ставить под сомнение существование как внешнего мира, так и внутренней реальности Я. Оно воспринимается как нечто «постоянно меняющееся, конструирующееся самим субъектом познания... Самосознание уже не просто фиксирует переживания субъекта о нем самом, но активно творит множество “образов Я”» [Там же, с. 48]. Впрочем, как мы видим, в основе все равно сохраняется неустраняемая непосредственность проживания себя, которую мы продолжаем описывать одновременно с конструированием себя, и, собственно, в нарративе «процесс становления самосознания включает в себя три взаимосвязанных этапа (самопереживание, формирование индивидуальной памяти и конструирование образа Я), в которых каждый последующий охватывает и сохраняет предыдущий» [Там же, с. 48]. Вслед за своим учителем В.А. Лекторским, Ирина Олеговна считает возможным говорить о конструктивном реализме, объясняя это тем, что «любая конструкция (в том числе образ индивидуального Я) предполагает реальность, в которой она осуществляется» [Там же, с. 59].

Поскольку мы говорим о самосознании в форме припоминания и рассказа о себе, стоит дополнить это рассуждение и присмотреться к суждению «Я был», которое показывает всю парадоксальность опыта прошлого, ускользающего от непосредственного проживания. Именно в этом суждении Я выступает субъектом не сознания, а памяти, как если бы живое присутствие было потеряно, рассеяно в мире, чтобы могла состояться возможность найти себя, собрать свои отражения в вещах (сказать «Я есть», предполагая тем самым «Я был»). Дистанция прошлого подразумевает взгляд из настоящего, однако странность многих воспоминаний состоит в том, что мы как будто изначально проживали прошлые события не только изнутри, но и глядя на них со стороны, из мира, в котором мы были еще до того, как осознали, что мы есть в нем. Прошлое осознается под знаком утраты, и, однако, открытость прошлого наделяет нас ощущением присутствия вне-себя, особым доверием к существованию, как если бы оно покоилось на изначальном договоре с миром, обещающем восполнение утраты и непрерывность сознания Я.

Этот договор и есть суть повествования. Рассказ не просто невозможен без памяти, он в известной мере и есть сама память, поскольку ведет из прошлого к кульминации истории, которая объясняет событие рассказывания и позицию рассказчика, способ его присутствия в настоящем. В свое время Владимир Яковлевич Пропп показал, что в повествовательной структуре волшебной

сказки первый компонент является утратой или начальной нехваткой, благодаря которым запускается движение наррации: появляется герой, который преодолевает препятствия и возвращает или возмещает утрату [Пропп, 1969, с. 83]. Наши рассказы о прошлом воспроизводят в принципе ту же структуру, поскольку прошлое является утраченным элементом, который возвращается в актуальный горизонт благодаря событию, порождающему своего героя, своего участника и свидетеля, способного обрести идентичность и заявить о себе «Я был, и поэтому Я есть».

Это утверждение парадоксально, поскольку прошлое и настоящее не могут разместиться в едином плане реального, собственно, поэтому и необходим рассказчик, который буквально возникает из небытия, из утраченного прошлого, чтобы заявить о возможности нового начинания истории, о воскрешении изначального мифа как подлинной формы самосознания. Вспомним, что Клод Леви-Стросс, отталкиваясь от работы с мифом, противопоставил подходу Проппа свое понимание нарративной структуры. Он показал, что в основе истории лежит существенное противоречие, парадокс, разрешаемый с помощью ряда медиаций, составляющих ткань истории [Леви-Стросс, 2008, с. 252]. В «Структуре мифа» Леви-Стросс анализирует фигуру Эдипа, с которой связан древний сюжет об испытании героя посредством загадывания загадок. Об этом испытании вспоминает и Рой Соренсен в «Краткой истории парадокса», поясняя свою мысль о логических парадоксах как наследниках архаических загадок [Sorensen, 2005, p. 3]. Казалось бы, в известной нам по мифу загадке Сфинкса нет никакого парадокса, поскольку ее метафорический код предполагает расшифровку и простой ответ, однако речь идет о знании правил, которые определяют жизнь человека, и это значит, что Эдип, опознавший их, больше не подчиняется их простоте и ясности. Он оказывается во власти судьбы и только думает, что знает, не зная на самом деле ни о своем прошлом, ни о настоящем, ни будущем. И если, по Леви-Строссу, древний миф об Эдипе бьется над загадкой рождения человека, то в версии Софокла главной проблемой Эдипа является он сам. Расследуя давнее преступление, Эдип неожиданно для себя становится героем припоминания и самосознания, обнаруживая, что он сам оказался неизвестным звеном, разрывом в цепи событий, преступником, виновником бедствий города. Он воплощает собой утрату и парадокс, возникающий из неприятия этой утраты, и это делает его образцовым героем истории, которая превращает неразрешимость парадокса в рассказ о невыносимом преступлении, о наказании и о преображении все познавшего и все утратившего Эдипа.

История рассказывает о герое, который никогда не знает себя, не равен себе, не обладает тождеством в настоящем, возникая из текстуры мира, в которой он изначально рассеян, пребывая вне себя, в своем ином. Удовольствие от рассказа состоит в воспроизведении перехода из этого рассеяния в собранность своего Я, проблематичное тождество присутствия как действия и сознания себя. Так в рассказе оформляются способы взаимодействия прошлого и настоящего, того, что утрачено, и того, что благодаря этой утрате обретает определенность осуществления и восполнения прошлого. Без рассказа о том, что прошло и завершилось, мы не можем найти в настоящем ничего достаточно

значимого, что было бы способно выдержать испытание утратой, ничего героического, чье существование было бы весомо не только для себя, но и для мира, в котором оно появилось на свет, ничего оживляющего, что позволило бы не только наполнить настоящее, но и провести нас через настоящее к будущему.

Истории рассказывают о событиях, даже те, в которых, как кажется, ничего не происходит. Можно рассказать о возвращении в место, где ничего не изменилось, и даже люди застыли в той же форме, можно рассказать о бесконечно длинном дне, в котором время словно замерло без событий, без перемены сознания. Рассказ в любом случае создает свое событие взгляда, которому открывается в том числе и невозможный мир без событий и изменений. Скажем, что событие рассказа совершается одновременно вне и внутри него, в разрыве и сцеплении «до» и «после», и только это событие способно сделать рассказ рассказом и связать в единство все элементы последовательности. Событию предшествует утрата – прежнего состояния и окружения, близкого человека, привязанности или былого чувства, утрата того, что наполняло мир, гарантировало отражение в мире, и поскольку утрата разрушает эту полноту, она требует субъекта, который станет восполнением утраты, в предельной открытости себе, в состоянии максимальной силы и максимальной хрупкости существования. Парадоксальная открытость, в которой субъект непрерывно умирает и рождается из своего иного, своего вне-себя, и есть то, что одушевляет историю, *что* рассказывает нам память.

Парадокс памяти в том, что открытостью служит утрата, поскольку открывается и является только то, что проходит и исчезает в самом явлении. Если парадокс определить как суждение, из истины которого следует его ложь, то для памяти верно то, что из ее присутствия следует утрата и из утраты – присутствие. Но этот парадокс не разрушает логики повествования, а, наоборот, создает условия для выхода из истории к ее рассказчику и обратному возвращению от рассказчика к рассказанной истории.

В отличие от логического парадокса, соединяющего утверждение и отрицание, которые исключают друг друга, парадокс памяти находит себе разрешение, порождая новый (третий) элемент, разводящий утверждение и отрицание как разные части целого. И это не только рассказчик, но и образы памяти, мнемонические знаки, которые представляют собой след прошедшего и сдвиг настоящего. Строго говоря, запоминание, удержание, сохранение, припоминание – все это определенные техники, искусные навыки, которые опираются на создание парадоксальных связей прошлого и настоящего, образов, подсказок, ассоциаций и пр. Они, возможно, не дают знания о фактическом порядке мире, но позволяют найти для себя место и расположиться в нем.

Возьмем такой пример. Человек, с которым я только что разговаривал, остался в соседней комнате, и хотя я сейчас не вижу его, невидимое присутствие этого человека образует живую *глубину* пространства и времени. Эта глубина образована мгновением разрыва, утраты, разминки между нами, и она же заставляет мобилизовать все внимание к тому, что присутствует «здесь», чтобы удержать связь с тем, кто остался «там». Постоянное возвращение того, что завершается, воспроизведение усилия, которое растрачивается, образует парадоксальную очевидность памяти как утраты и восполнения, непрерывное

удержание каждого настоящего как момента утраты, как *прошлого для будущего*. Мобилизация памяти дает не просто ассоциацию одного с другим, но ведет к тому, что каждый момент видится *сквозь* другой, как если бы он был в него вложен и получал в нем свою артикуляцию, а наш взгляд получает качество включения и распределения в пространстве настоящего, его ландшафте, текстуре вещей и ритме перемещений.

Поскольку память открывает наше изначальное присутствие в другом, едва ли наше вращение в память может обойтись без помощи ближайшего другого, Другого с большой буквы. Как справедливо пишет в своей книге И.О. Щедрина, «автор нарратива стремится к подлинности и к принятию Другим соответствия своего Я реальности» [Щедрина, 2022, с. 35]. По-видимому, мы имеем дело с особым рода перформативным актом, учреждающим новый порядок реального при условии соблюдения ряда условий, которые позволяют Другому признать и удостоверить реальность этого порядка. Филипп Лежён, ведущий французский исследователь автобиографического жанра в литературе, предложил понятие «автобиографического пакта», чтобы выразить этот парадоксальный жест рождения нарратора, который оправдывает значимость своего повествования тем, что обещает говорить о себе правду, при том что только читатель или слушатель в роли большого Другого может признать, является ли прошлое, о котором повествует рассказчик, достаточно интересным, чтобы придать рассказчику статус свидетеля и глашатая собственной истины [Там же, с. 81]. Далее Щедрина показывает, что «важнейшей особенностью обсуждения проблемы становления самосознания индивида является выявление в ней темы признания – признания себя как Другого (самопризнания) и признания индивида другими людьми. В ходе самоидентификации эти аспекты признания взаимодействуют (конфликтуют между собой или взаимно дополняя друг друга), и их соотношение в значительной мере определяет характер самоосознания Я. Соответственно, динамика их соотношения всегда привлекала внимание исследователей-гуманитариев (философов, психологов, социологов, лингвистов). Новые перспективы в этой области открывает анализ соотношения самопризнания и признания другими в контексте нарратива, ориентированного «на себя»» [Там же, с. 84].

Начиная с самых ранних попыток ребенка рассказывать родителям о пережитом – под их одобрительные замечания, уточнения и наводящие вопросы – и продолжая рассказами в кругу друзей, свидетельствами о всем необычном, примечательном, трагичном, героическом и пр., воспоминание всегда ищет признания со стороны другого, хотя бы самого вспоминающего в роли своего другого. Мы проживаем в мире историй, в котором вещи обретают объем и глубину, поскольку включаются в другие вещи и обрастают историей, и наша жизнь обретает смысл, когда становится частью других жизней и начинает пересказываться в форме истории. Здесь важно подчеркнуть многообразие форм признания, о чем также мы находим важные суждения в книге Щедриной: «Способы получения признания от других людей могут быть самыми разнообразными – от личного контакта до сведений, получаемых из средств массовой информации. Сегодня в этой области, как известно, происходят существенные изменения. Она расширяется, причем благодаря Интернету

возрастает область личного, хотя и не прямого общения. В результате нарратив обретает сегодня статус медиатора, статус массового посредника, расширяющего масштабы феномена признания (и в пространственном, и во временном планах)» [Щедрина, 2022, с. 90].

«Нарративы, рассказанные Другими и влияющие на автора в той или иной степени, можно условно разделить на три группы: нарративы, рассказанные Другими о самом человеке (имя, семья, детские эпизоды), нарративы общекультурные (легенды, сказки, нормы и правила) и нарративы автобиографические» [Там же, с. 101]. Таким образом, мы переходим от экологии личной памяти, погруженной в непосредственную среду и структурированную рассказами о себе и своем прошлом, к формам коллективной и культурной памяти. На самом деле, они проявляют себя уже на уровне первичного самосознания и идентичности: «Рассмотрение активной роли Другого в построении автобиографического нарратива необходимо, на мой взгляд, начинать с акта именованности. В конце концов, именно Другой в лице матери, в лице семьи дает человеку имя и именно с имени начинается самописание. Это выражается как лингвистически (“меня зовут”), так и культурно-исторически (признанное имя остается в истории, закрепившись за человеком или семьей)» [Там же, с. 101]. В конечном итоге через имя и культурно-исторический нарратив мы привыкаем видеть себя частью конкретного исторического и природного целого, наследниками мира, в котором мы можем существовать лишь постольку, поскольку принимаем личную и коллективную ответственность за него.

Так мы приходим к пониманию того, что сегодня получило название «экологического нарратива»: «Экологический нарратив как культурно-исторический феномен позволяет его автору изложить собственную жизнь, придать ей осмысленность через понимание своего места в мире. История именно как нарратив развертывается в контексте среды и природы – и, в определенном смысле, именно так и проявляется интеллектуальная и экологическая преемственность» [Там же, с. 142]. Впрочем, в заключение нашей рецензии стоит вспомнить о том, что помимо экологических опасностей, которые могут сделать со временем невыносимой нашу жизнь в мире, есть и проблемы экологии самой памяти, поскольку и в ее основе лежит радикальный опыт конечности, уязвимости в ситуации необратимой утраты. Признание, которого мы ищем, дает примирение, но оно не дается само собой и, как мы знаем из гегелевской диалектики раба и господина, так или иначе связано с борьбой за господство и с возможностью самого худшего рабства. Это верно и для коллективной памяти, поскольку здесь набор приемлемых воспоминаний зависит от структуры группы, от привычных и понятных историй, придающих устойчивость ее составу, тогда как все иное исключается из сферы признанности или признается незначимой утратой.

Коллективная память гарантирует солидарность, но также сталкивает с носителями иной политической, культурной или поколенческой памяти. И чем больше коллективная и историческая память превращаются в *политику памяти*, тем больше они начинают работать на забывание, а не вспоминание. Не менее опасной проблемой является и технологизация памяти, которая обещает сохранение всей информации, но лишает опоры на личное

усилие припоминания. Технологии сохранения и передачи информации привели к радикальному вынесению памяти в пространство настоящего, все больше исключая для нас самих возможность выхода вовне. Мы замыкаемся в себе или растворяемся вовне и все меньше помним, поскольку не находим мужества соотносить присутствие в себе с присутствием в мире.

И тем не менее даже забытое пытается выразить себя в рассказе, потому что это все еще единственный способ для нас самих переступить в новое настоящее. И, возможно, желание рассказать остается главным оплотом памяти, так же как главным средством забвения служит сегодня желание заснять на телефон увиденное мгновение, которое обречено потеряться в бесконечности похожих снимков. Стоило бы задаться вопросом: чего больше в этом желании рассказывать и снимать – заботы о пережитом или невозможности удержаться в настоящем без поддержки технических медиа? Будем надеяться, что дальнейшие исследования Ирины Олеговны Щедриной дадут ответ на этот вопрос, который пока приходится оставить открытым, как и вопрос о том, какую форму примет самосознание человека в условиях новой экологии.

Список литературы

Леви-Стросс, 2008 – *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Академический Проект, 2008. 555 с.

Пропп, 1969 – *Пропп В.Я.* Морфология сказки. 2-е изд. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. 170 с.

Щедрина, 2022 – *Щедрина И.О.* Историческая память и нарратив: экологические контексты. М., СПб.: Центр гуманитарный инициатив, 2022. 174 с.

Sorensen, 2005 – *Sorensen R.* A Brief History of the Paradox. Philosophy and the Labyrinths of the Mind. Oxford: Oxford University Press, 2005. 416 p.

**Reflections on the book by Irina O. Shchedrina
“Historical memory and narrative: ecological contexts”
(Moscow – St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives,
2022. 174 p.)**

Konstantin P. Shevtsov

St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev. 149 Moscow avenue, St. Petersburg 196105, Russian Federation; e-mail: shvkst@gmail.com

The paper reviews the basic concepts of the book by Irina O. Shchedrina “Historical memory and narrative: ecological contexts”. The problem of historical memory has become a reaction to the dramatic rupture of the cultural and social texture of modern societies, but it has also become an opportunity to look anew at the traditional problem of human-nature relations. Since memory stores knowledge about loss, it immerses us in the temporality of existence as a state of homelessness, the loss of one’s natural home, which explains the relevance of the modern turn to ecological forms of thinking. Shchedrina’s book offers a simple but effective version of the ecology of memory, focused on the primacy of narration, narrative, told story. This approach forces us to rethink the position of the subject of knowledge,

since the structure of his self-consciousness is based on the primary loss and the need to rely on recognition from the Other and collecting oneself through the story and the distraction of being in the world, outside of oneself, in the natural order of places and the multi-layered fabric of stories.

Keywords: historical memory, ecology of memory, narrative, recognition, self-awareness, loss, memory policy, technologization of memory

Acknowledgments: The research was supported by the RSF grant. Project No. 21-18-00046 “Definition of the criteria of visual pollution of the environment” at the St. Petersburg State University.

References

Lévi-Strauss, C. *Strukturnaja antropologija* [Structural Anthropology]. Moscow: Akademičeskij Proekt Publ., 2008. 555 pp. (In Russian)

Propp, V. Ja. *Morfologija skazki* [Morphology of a fairy tale]. 2nd Ed. Moscow: Glavnaja redakcija vostočnoj literatury izdatel'stva “Nauka”, 1969. 170 pp. (In Russian)

Shchedrina, I.O. *Istoricheskaya pamyat' i narrativ: ekologičeskie konteksty* [Historical memory and narrative: ecological contexts]. Moscow, St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2022. 174 pp. (In Russian)

Sorensen, R. *A Brief History of the Paradox. Philosophy and the Labyrinths of the Mind*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 416 pp.